

На правах рукописи

Белобородов Сергей Анатольевич

**РЕЛИГИОЗНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
СТАРООБРЯДЧЕСТВА ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(На примере согласия беглопоповцев / часовенных)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург
2012

Работа выполнена на кафедре археологии и этнологии исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина» (УрФУ).

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
Главацкая Елена Михайловна.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Зольникова Наталья Дмитриевна,

кандидат исторических наук, доцент
Манькова Ирина Леонидовна.

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский
государственный университет».

Защита состоится «20» января 2012 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал Ученого совета, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Автореферат разослан 15 декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

2

Л.Н. Мазур

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования. Определяя актуальность выбранной нами темы, хотелось бы избежать справедливых, но достаточно общих рассуждений о староверии, как сложном и многоаспектном явлении с более чем трехвековой историей. Гораздо важнее отметить, что до настоящего времени старообрядчество занимает значительное место в конфессиональной структуре России в целом, и на Урале, в частности. При этом, несмотря на обилие литературы, можно однозначно утверждать, что оно изучено недостаточно хорошо.

В первую очередь, проблема заключается в том, что детальных и всесторонних описаний отдельных старообрядческих согласий, их истории, особенностей вероучения и обрядовой практики очень немного. А без этого не может быть адекватно представлена ни общая история староверия, ни история русской религиозной мысли в целом.

С другой стороны, недостаток конкретной информации, касающейся региональных особенностей старообрядческого движения, позволяет некоторым исследователям говорить о старообрядцах, как о самых ревностных хранителях древнерусских традиций, соблюдающих их едва ли не в первозданном виде. При этом само староверие рассматривают как некое единое целое, не учитывая такие «детали», как контекст конкретных исторических эпох, социальную и конфессиональную неоднородность старообрядчества, неравномерность влияния на разные старообрядческие общества социально-политических и экономических факторов общественного развития и т.п.

Хотелось бы также акцентировать внимание на том, что значительный промежуток времени – вторая половина XIX в. – совершенно «выпал» из поля зрения исследователей уральского старообрядчества. Более того, среди всех работ, посвященных уральской беглопоповщине, до недавнего времени не было ни одной, где бы более или менее подробно говорилось о самих беглых попах. Аналогичная история произошла и с другими важнейшими для воссоздания истории уральского старообрядчества темами: скиты и скитское движение, культовые сооружения, старообрядческие святыни.

В свою очередь, это привело к тому, что старообрядчество не рассматривается как один из компонентов религиозного ландшафта горнозаводского Урала. А это значительно обедняет и искажает существовавшую картину и не позволяет в полной мере развивать интересное и, на наш взгляд, чрезвычайно перспективное направление исторических исследований.

Все перечисленное выше, на наш взгляд, говорит о несомненной актуальности выбранной темы диссертационной работы.

Основными **целями исследования** являются: изучение религиозно-организационной структуры старообрядчества горнозаводского Урала второй четверти XIX – начала XX вв. на примере крупнейшего в регионе согласия беглопоповцев / часовенных и анализ изменений, произошедших с важнейшими структурообразующими элементами старообрядческого общества в рассматриваемый период.

Определенные ими цели исследования обусловили постановку следующих **задач**:

- определить центры беглопоповщины на горнозаводском Урале; выявить наиболее значимые из них;

- охарактеризовать лидеров уральских беглопоповцев второй четверти – середины XIX в. и руководителей часовенного согласия на Урале во второй половине XIX в.;

- проанализировать основные попытки беглопоповцев в 1830-е гг. достичь компромисса с государством и реакцию на эти предложения со стороны властей;

- выявить скитские центры, существовавшие на горнозаводском Урале во второй четверти XIX – начале XX вв. и показать произошедшие в этот период изменения;

- установить причины перехода убежденных беглопоповцев к беспоповской практике и рассмотреть идеологическое обоснование института наставничества, предпринятое старообрядцами горнозаводского Урала;

- провести анализ изменений, произошедших в богослужении и обрядовой практике уральских старообрядцев после их перехода на беспоповские позиции;

- выявить и обобщить факты, связанные со становлением и развитием культа почитания святынь беглопоповцами / часовенными горнозаводского Урала.

Объектом диссертационного исследования являются формы самоорганизации и общественное сознание старообрядцев-беглопоповцев / часовенных на горнозаводском Урале во второй четверти XIX – начале XX вв.

В качестве **предмета** настоящего исследования рассматривается трансформация структуры старообрядческого общества и его институций (старообрядческая община (с культовым зданием), ее руководители (старшины, священники / наставники, духовные отцы), скиты и их обитатели), складывание местных культов и формы почитания святынь (святые места, чтимые чудотворные иконы и др.)).

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй четверти XIX века до начала XX в. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что в царствование Николая I достаточно резко меняется государственная политика в отношении к старообрядчеству, предпринимаются последовательные меры, которые в конечном итоге повлияли на общество беглопоповцев и, в совокупности с причинами внутреннего характера, привели к его трансформации в часовенное согласие.

Верхняя хронологическая граница исследования определена публикацией Указа «об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. и Манифеста «о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы и об установлении нового законодательного порядка» 17 октября 1905 г. фактически уравнивавших в правах старо- и новообрядцев, прекратив таким образом существовавшую около двух с половиной веков дискриминационную политику в отношении староверов и открыв новый этап в истории старообрядчества.

Следует отметить, что характер нашего исследования приводит к необходимости в ряде случаев делать экскурсы в более ранние периоды. Это абсолютно необходимо когда, например, речь идет о биографиях некоторых старообрядцев (лидеров согласия, священников, иноков), истории появления староверов в той или иной местности или при рассказе о строительстве ими культовых зданий и организации скитов.

Территориальные рамки исследования охватывают, в основном, горнозаводской Урал и ближнее Зауралье в границах существовавшего с 1833 г. Екатеринбургского викариатства. Первоначально это земли Екатеринбургского, Верхотурского и Ирбитского уездов Пермской губернии. В 1851 г. в состав викариатства вошел Шадринский, а в 1883 г. – Камышловский уезд. В 1885 г. викариатство было преобразовано в самостоятельную Екатеринбургскую епархию. Выбор именно этой территории обусловлен, помимо прочего, тем, что располагавшиеся здесь Нижнетагильское, Невьянское и Екатеринбургское старообрядческие объединения считались наиболее значительными и значимыми далеко за пределами Урала. В отдельные периоды они даже выступали как некая единая организация. Примечательно, что это единство признавалось и пермскими и сибирскими старообрядцами, называвшими уральских староверов «заводскими».

Объективный анализ источников привел к необходимости включить в наше исследование сопредельные территории. Речь идет о северной части Красноуфимского и восточной части Кунгурского уездов, поскольку местные старообрядческие общины исторически и «генетически» были самым тесным образом связаны с горнозаводскими обществами, а

знаменитые скиты в «Урминских пределах» основаны «заводскими» иноками.

Методологической основой диссертации стали концепции «новой социальной истории»¹, а именно – описание и анализ реально существовавших организаций локального уровня, что не исключает создание коллективных портретов и воссоздание биографий конкретных личностей. Такой подход, с одной стороны, обеспечивает комплексное исследование старообрядческого общества, как целостного института, с другой, – позволяет рассматривать действия и мотивы отдельных индивидов². В этой связи особое значение приобретает высказанная и обоснованная Н.Н. Покровским мысль о непродуктивности изучения старообрядчества, «как единого нерасчлененного понятия»³. Исходя из этого, исследователь, прежде всего, должен внимательно рассмотреть локальные процессы, происходившие в жизни старообрядческих общин, детально изучить исторические явления на микроуровне и только затем подняться на более высокие уровни познания.

В качестве основных исследовательских приемов в диссертации использовались историко-сравнительный, историко-системный и историко-генетический **методы**⁴. При работе с источниками нами широко привлекались методы источниковедческого анализа (прежде всего текстологического и кодикологического), а также археографические приемы работы с документами (изучение исторических условий и обстоятельств создания источника, решение проблемы авторства, анализ содержания, интерпретация) и источниковедческий синтез (оценка значения источника и обобщение результатов анализа).

Для наиболее логичного и системного изложения материала использован проблемно-хронологический принцип.

Степень изученности темы. Литература, посвященная истории старообрядчества, настолько обширна, что рассмотреть даже основные труды общей проблематики во введении к кандидатской диссертации не представляется возможным. Обзор важнейших дореволюционных работ

¹ Проскурякова Н.А. Новые теоретико-методологические подходы в постсоветской социальной истории XVIII — начала XX вв. // Вестник РУДН.– Серия История. – 2006. – N 2(6). С. 41-42.

² Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 1998. – С. 62-72.

³ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян - старообрядцев в XVIII в. – Новосибирск, 1974. – С. 7.

⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 2003. – С. 187-188.

приведен в сочинении И.К. Смолича⁵. В советской и постсоветской историографии крупных работ обобщающего характера не появилось, хотя в это время для изучения истории и культуры старообрядчества было сделано очень много.

Первые крупные работы, посвященные уральскому старообрядчеству, публикуются в 1860-е гг. Среди наиболее значимых необходимо упомянуть труд архимандрита Палладия (Пьянкова)⁶. Свое отношение к староверию автор выразил вполне определенно, назвав его «зловредной болезнью, язвой, гибельным порождением тьмы и слепых страстей». Однако Палладий не ограничился одними лишь обличениями, но привел многообразные и очень любопытные данные по истории и современному состоянию уральского старообрядчества, рассмотрел особенности вероучения представителей различных согласий, подробно сообщил о традициях, обрядах и обычаях староверов. Справедливости ради, следует отметить тенденциозность сочинения Палладия, использование автором непроверенных сообщений, а также большое количество ошибок «технического» характера: неверные даты, искаженные имена и названия и т.п. Вместе с тем, именно это исследование до сего дня является одним из основополагающих при изучении истории уральского старообрядчества.

Другим ценнейшим сочинением о старообрядчестве Урала стала работа быньговского священника Н. Варушкина, опубликованная в 1866 – 1867 гг. Опираясь на разнообразные источники, автор самым подробным образом реконструирует историю староверия конца XVIII – начала XIX вв. в Нижнетагильском заводе и еще в 12 поселениях округа⁷.

Говоря о работах, появившихся в 1860-е гг. нельзя не упомянуть исследования П.И. Мельникова (Андрея Печерского), незаменимые для любого исследователя истории старообрядчества. Хотя, стоит заметить, что отдельные сведения и живописные подробности из жизни некоторых героев Мельников заимствовал из недостаточно надежных источников, не отличавшихся фактологической точностью. Уральские материалы присутствуют и в его главном труде – «Очерках поповщины», и в

⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. – Ч. 2. – М., 1997. – С. 116-165.

⁶ [Палладий (Пьянков)]. Обзорение Пермского раскола, так называемого «старообрядства». Составлено А.П. – СПб., 1863. – III, III, 215, 47, 2 с.

⁷ Варушкин Н. О единоверии в Нижнетагильском заводе и его округе // Православный собеседник. – 1866. – Ч. 1. N. 1. – С. 3-36; Ч. 2. N 7. – С. 167-218; Ч. 3. N 7. – С. 48-79; N 11. – С. 169-204; 1867. – Ч. 1. N 4. – С. 3-42; N 6. – С. 272-311.

отдельных статьях (например, «Письма о расколе» и «Счисление раскольников»)⁸.

В 1860-е гг. начинают появляться статьи об уральском староверии и в местной периодической печати⁹. По большей части это этнографические зарисовки, основной задачей которых было стремление показать бытовую «косность» старообрядцев.

После некоторого «затишья» 1870-х гг.¹⁰, в следующее десятилетие наблюдается очевидный подъем интереса к изучению старообрядчества, в том числе и уральского. В начале 1880-х гг. к проблемам, связанным с уральским староверием, обратился отставной секретарь Пермской духовной консистории М.С. Вруцевич, составивший заметки «Раскол в Пермской губернии», опубликованные в Петербурге в 1883 г.¹¹ В статье содержится немало интересных сведений о современном автору положении старообрядчества на Урале, делается попытка классификации согласий, приводятся статистические данные. Кстати, М. Вруцевич одним из первых указал на существенные различия показателей официального учета уральских старообрядцев и реального положения дел. По мнению М. Вруцевича, основной причиной распространения староверия «служит главным образом экономическая выгодность раскола», при этом он постарался доказать, что сам по себе «раскол в обширном значении этого слова, есть ничто иное, как религиозный индиферентизм».

Одним из наиболее знающих исследователей староверия проявил себя выдающийся уральский писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, которого раскол интересовал, прежде всего, как своеобразная форма протеста

⁸ Мельников П.И. Полн. собр. соч. – Изд. 2-е. – СПб., 1909. – Т. 6. – С. 203-250; Т. 7. – С. 157-182; 387-402; Мельников П.И. Очерки поповщины / П.И. Мельников // Собр. соч. в 8 т. – Т. 7. – М., 1976. – С. 191-555.

⁹ Материалы для этнографии (Рассказ обратившегося к православию старообрядца о времени его пребывания в расколе) // Пермские губернские ведомости. – 1864. – N 4. – С. 8-9; Таинственный мир (Рассказ раскольника о раскольниковском быте) // Пермские епархиальные ведомости. – 1867. – N 17; N 18.

¹⁰ Среди немногих заметок, касающихся уральского староверия, появившихся в это время в прессе, выделим лишь одну: Раскол в Пермской губернии // Современные известия. – 1874. – N 272 (воспроизведена с сокращениями Церковно-общественном вестнике. – 1874. – N 149), да и в ней большей частью приводятся рассуждения общего характера.

¹¹ Вруцевич. Раскол в Пермской губернии // Отечественные записки. – 1883. – N 6. – С. 155-184; N 7. – С. 33-100.

против официальной церкви. Немало места писатель уделил старообрядцам в историческом очерке, подготовленном им для справочника «Город Екатеринбург»¹². В этом сочинении история уральского староверия рассматривалась как единый процесс. Особо отмечались трансформации, происходившие в екатеринбургской общине в конце 1830-х – начале 1840 гг.

Вслед за этими работами уральские журналисты и краеведы публикуют в местной прессе статьи, касающиеся старообрядчества в ряде населенных пунктов горнозаводского Урала (Быньги, Шарташ, Невьянск)¹³. Любопытную, хотя и очень лаконичную, информацию об уральских старообрядцах, беглых священниках и моленных домах помещает на страницах «Пермской летописи» В.Н. Шишонко¹⁴.

В отличие от представителей духовно-академической школы, А.С. Пругавин признавал, что старообрядчество сыграло позитивную роль в отечественной истории. Он характеризовал староверие как прогрессивное движение, проявляющее стремление к свободе слова, независимости от высшей власти. В своих трудах о «расколе» А.С. Пругавин ратовал за безусловную веротерпимость и полное равноправие старообрядцев. Однако автор явно преувеличивал демократические тенденции внутри старообрядчества. Например, ученый выдвигал тезисы о борьбе староверов за права и самостоятельность женщины, говорил об отрицании ими иерархии и любой религиозной регламентации.

Во время пребывания на Урале в 1882 г. А.С. Пругавин получил возможность работать в пермских архивах и ознакомился с секретными делами, касавшимися уральского сектантства и старообрядчества. На основе этих сведений тогда же им были написаны несколько статей о

¹² Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург: Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. – Екатеринбург, 1889. – С. 1-57.

¹³ Страничка о Быньговском селении Екатеринбургского уезда // Екатеринбургская неделя (далее – ЕН). – 1883. – N 34. – С. 551-553; Шарташ // ЕН. – 1884. – N 30. – С. 518-519; [Смородинцев Н.С.] К истории Невьянского завода // ЕН. – 1888. – N 35. – С. 746-747; N 36. – С. 767-768; N 37. – 788-789; N 39. – С. 828-830; N 44. – С. 937-939; N 48. – С. 1052-1054; Письма об уральском старообрядчестве // ЕН. – 1888. – N 39. – С. 754-755; Павлов А. Село Шарташ и его православный храм // Екатеринбургские епархиальные ведомости (далее – ЕЕВ). – 1889. – N 11. – С. 259-266.

¹⁴ Шишонко В.Н. Пермская летопись. – Период 5. – Ч. 2. 1695-1701. – Пермь, 1887. – С. 119-120; Ч.3. 1702–1715. – Пермь, 1889. – С. 108-109.

местном староверии: «Уральское старообрядчество», «Старообрядческий епископ Геннадий» и др. В 1904 г. эти работы, дополненные другими материалами, вышли в книжном варианте¹⁵.

Публикуемые в 1880-е гг. в местной периодике статьи о расколе, в основном, представляли собой перепечатки из других изданий (Московских, Вятских, Саратовских, Тобольских и других епархиальных ведомостей, журналов «Церковный вестник», «Друг истины», «Миссионерское обозрение»). По нашему мнению, они играли роль «учебных пособий», для миссионеров новой Екатеринбургской епархии.

Одним из немногих исключений можно назвать статью учителя А. Павлова «К вопросу об ослаблении раскола среди народа» (1889 г.)¹⁶. Среди главнейших методов борьбы с расколом А. Павлов призывал особенно активно проводить регулярные собеседования со старообрядцами и составлять противораскольнические библиотечки, в селениях, где проживало большое количество староверов.

Следует отметить, что уральские миссионеры «услышали» это пожелание. Именно сообщения о публичных собеседованиях со старообрядцами составляют подавляющую часть статей, помещенных в местной периодике в 1890-е гг.¹⁷. Другую большую группу изданных

¹⁵ Пругавин А.С. Уральское старообрядчество // Голос. – 1883. – N 33, 37; Он же. Старообрядческий епископ Геннадий. Очерк из новейшей истории раскола // Русская мысль. – 1882. – N 12; Он же. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. – М., 1904.

¹⁶ П[авлов] А. К вопросу об ослаблении раскола среди народа // ЕЕВ. – 1889. – N 9. – С. 211.

¹⁷ Романовский С. Собеседование с глаголемыми старообрядцами в Екатеринбурге // ЕЕВ. – 1893. – N 50. – С. 1267-1276; Ермолин П. Беседа с глаголемыми старообрядцами в с. Буткинском // ЕЕВ. – 1894. – N 21. – С. 500-506; Беседа епархиального миссионера с глаголемыми старообрядцами в с. Беркутском Шадринского у. // ЕЕВ. – 1895. – N 7-8. – С. 201-212; Романовский С. Беседа православного со старообрядцем о клятвах // ЕЕВ. – 1896. – N 4. – С. 89-97; Сушков М. О клятвах Большого Московского собора 1667 г. // ЕЕВ. – 1896. – N 27-28. – С. 716-724; Собеседования со старообрядцами // ЕЕВ. – 1896. – N 4. – С. 97-100; N 5-6. – С. 129-132; N 15. – С. 360-365; Пузырев И. Вступительная речь при собеседовании со старообрядцами Каслинского завода 19 декабря 1897 г. // ЕЕВ. – 1898. – N 8-9. – С. 243-248; Никольский С. Беседа со старообрядцами в Нижнеуфалейском заводе 29 ноября 1897 г. // ЕЕВ. – 1899. – N 1. – С. 14-26.

материалов представляют документы 1830-х – 1840-х гг. из архива архиепископа Аркадия (Федорова). В основном это были его статьи, служащие пособием в миссионерской практике¹⁸.

Конечно же, главная причина активизации миссионерской работы на Урале в конце XIX в. была связана не с заметкой А. Павлова, а с деятельностью нового екатеринбургского архиерея епископа Афанасия (Пархомовича), занимавшего кафедру с 1891 по 1894 г. По его инициативе в епархии была открыта противораскольническая миссия, введены должности епархиального и окружных миссионеров, начала функционировать миссионерская библиотека, стали систематическими собеседования со старообрядцами¹⁹.

Продолжилась эта работа и приемниками епископа Афанасия, но самое заметное усиление миссионерской деятельности, выразившееся, помимо прочего, в появлении интересных работ о старообрядчестве, связано с именем преосвященного Ириней (Орды), назначенного на екатеринбургскую кафедру в 1900 г. С этого времени началась регулярная публикация отчетов епархиальных миссионеров²⁰. Именно епископ

¹⁸ Искренняя беседа старообрядца с книгою Кирилловою // ЕЕВ. – 1897. – N 3. – С. 67-78; Противораскольнические писания Высокопреосвященного Аркадия, архиепископа Пермского и Верхотурского // ЕЕВ. – 1897. N 4. – С. 97-121; Противораскольнические сочинения Высокопреосвященного Аркадия // ЕЕВ. 1897. – N 5. С. 141-154; N 8. С. 273-286; N 9. С. 296-302.

¹⁹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 268. Л. 11-12 об.

²⁰ Извлечение из отчета Екатеринбургского епархиального миссионера за 1899 г. // ЕЕВ. – 1900. – N 18. – С. 437-441; Отчет епархиального миссионера о состоянии и численность раскола в Екатеринбургской епархии за 1900 г. // ЕЕВ. – 1901. – N 9. – С. 125-135; Ведомость о числе раскольников Екатеринбургской епархии с указанием приходов и церквей, при которых они числятся и к какому толку или секте принадлежат, за 1900 год // ЕЕВ. – 1901. – N 11. – С. 186-187; Состояние в епархии раскола и сектантства (из отчета епархиального миссионера за 1901 г.) // ЕЕВ. – 1902. – N 8. – С. 359-366; N 10-11. – С. 461-467; Отчет Екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. – Екатеринбург, 1902; Состояние раскола в Екатеринбургской епархии в 1902 г. // ЕЕВ. – 1903. – N 17. – С. 493-498; N 18. – С. 527-532; N 19. – С. 566-569; N 20. – С. 609-615; Состояние расколо-сектанства в епархии и деятельность миссии в 1903 г. // ЕЕВ. – 1904. – N 18-19. – С. 522-529; N 20. – С. 550-555; N 21. – С. 599-607; N 22. – С. 630-638; Епархиальные сведения о численности старообрядцев в Екатеринбургской епархии в 1904 г. // ЕЕВ. – 1905. – N 14. – С. 316-324; N 15. – С. 337-353.

Ириней инициировал подготовку и издание нескольких работ, чрезвычайно важных для изучения уральского старообрядчества²¹. В 1900 – 1901 гг. даже выходили особые «тематические» номера епархиальных ведомостей, почти полностью состоящие из статей о староверии.

По распоряжению Ириней епархиальный историко-статистический комитет в 1902 г. осуществил издание сочинения под названием «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии». Для нашего исследования особо важен раздел, заключающий книгу, в котором содержится очерк распространения единоверия на Среднем Урале²². Помимо прочего, здесь приводятся сведения о некоторых существовавших ранее старообрядческих часовнях и о времени их перехода под юрисдикцию единоверцев.

Наконец, именно во время руководства епархией епископом Иринеем был подготовлен грандиозный труд со скромным названием «К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде». Публикация работы началась в 1902 г., и с перерывами продолжалась до 1908 г. (издание не завершено)²³.

²¹ В мире раскола // ЕЕВ. – 1901. – N 14. – С. 656-658; С.Г.У. В области раскола // ЕЕВ. – 1901. – N 15. – С. 669-688; Огибенин М. Обрядность раскольническая // ЕЕВ. – 1901. – N 15. – С. 689-695; [Обтемперанский А.] В области раскола // ЕЕВ. – 1901. – N 18. – С. 808-813; Казанский В. Причины дробления раскола на частные секты // ЕЕВ. – 1901. – N 21. – С. 911-927; В области уральского раскола // ЕЕВ. – 1901. – N 21. – С. 927-931.

²² Краткий очерк возникновения и распространения единоверия в пределах Екатеринбургской епархии // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. – С. 578-612.

²³ К истории православного старообрядчества (единоверия) в Екатеринбургском уезде // ЕЕВ. – **1902**. – N 6. – С. 281-287; N 7. – С. 321-328; N 8. – С. 369-376; N 10-11. – С. 478-484; N 14. – С. 581-592; N 22. – С. 877-884 N 23. – С. 917-927; N 24. – С. 948-953; **1903**. – N 7. – С. 215-218; N 8-9. – С. 249-257; N 10. – С. 288-296 N 11. – С. 318-323; N 12. – С. 355-361; N 13. – С. 396-408; N 14. – С. 428-433; **1904**. – N 1-2. – С. 24-32; N 3. – С. 63-73; N 4. – С. 117-122; **1905**. – N 3. – С. 55-63 N 22. – С. 754-759; N 23. – С. 797-801; N 24. – С. 829-835; **1906**. – N 1. – С. 13-18; N 2. – С. 48-52; N 3. – С. 97-106 N 4. – С. 144-151; N 5. – С. 170-176; N 6-7. – С. 213-221; N 8. – С. 248-253; N 9. – С. 273-280; N 11. – С. 345-357; N 12. – С. 397-405; N 15. – С. 497-507; N 16. – С. 535-543; N 17. – С. 562-569; N 18. – С. 593-601; N 19. – С. 620-627; N 20. – С. 650-657; N 21. – С. 691-700; N 22. – С. 738-746; N 23. – С. 767-774; N 24. – С. 801-808; **1907**. – N 1. – С. 12-19;

После 1905 г. интенсивность, с которой материалы об уральском старообрядчестве появлялись в местной периодической печати, резко снизилась. Информационный вакуум стали заполнять сами уральские старообрядцы, которые в 1915 г. обзавелись собственным периодическим изданием. В нем, начиная с первого же номера, стали печатать статьи, посвященные отдельным страницам истории беглопоповцев / часовенных²⁴. Безусловно, некоторые из этих заметок весьма интересны, но вот достоверность отдельных событий, изложенных по устным преданиям, вызывает большие сомнения. Исключением стали публиковавшиеся в 1915 – 1916 гг. «Исторические очерки уральского старообрядчества», написанные талантливым полемистом, и, как выяснилось, неплохим исследователем А.Т. Кузнецовым²⁵.

Затем в изучении истории старообрядчества горнозаводского Урала наступает 15-летний перерыв. В 1930-е гг., когда «происходил переход советской науки на позиции марксизма», появился ряд работ, в которых авторы попытались взглянуть на старообрядчество (в том числе и уральское) с платформы новой идеологии. Так, в одной из первых в советское время обобщающих работ по истории Русской Православной Церкви Н.М. Никольский несколько страниц посвятил и старообрядцам горнозаводского Урала. Именно в этом сочинении впервые однозначно говорится о независимости уральской организации беглопоповцев от московского центра и о тесных связях старообрядцев горнозаводского Урала с их западносибирскими братьями по вере²⁶.

Вплоть до начала 1970-х гг. подавляющее большинство исследователей, затрагивавших тему уральского старообрядчества, рассматривали это явление лишь как пассивную форму сопротивления существовавшему строю, «социальный протест, прикрытый религиозной

1908. – N 9. – С. 149-157; N 43. – С. 728-734; N 45. – С. 763-769; N 47. – С. 789-798.

²⁴ Горский Л. Из истории уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. – 1915. – N 1. – С. 5-10; Сапегин К.А. Гонение старообрядцев на Урале // Там же. – N 2. – С. 21-28; Коневский И. Из прошлого старообрядчества на Урале // Там же. – N 4-5. – С. 5-22; N 10. – С. 17-31; Судогорский В. Памяти подвижников // Там же. – N 4-5. – С. 23-26;

²⁵ Кузнецов А.Т. Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. – 1915. – N 11. – С. 16-30; N 12. – С. 21-30; 1916. – N 1-2. – С. 11-18; N 3. – С. 9-15; N 4-5. – С. 6-9; N 8. – С. 10-17; N 9-10. – С. 5-10.

²⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. – 2-е изд. – М.-Л. – 1931. – 400 с. (3-е изд. – М., 1985; 4-е изд. – М., 1988).

оболочкой»²⁷. Особо подчеркнем, что при этом из исторических трудов полностью исчезла сама история уральского староверия.

Ситуация начала меняться лишь в 1970-е гг., благодаря усилиям Н.Н. Покровского и его учеников, сибирских и уральских археографов. За четыре последующих десятилетия были изданы монографические исследования, посвященные различным аспектам истории уральского и сибирского старообрядчества, описаны тысячи памятников старообрядческой письменности, изданы важнейшие источники по истории староверия²⁸. С кратким обзором итогов деятельности

²⁷ Обзор основных произведений этого времени охарактеризован в диссертационном исследовании В.И. Байдина. См.: Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII – середина XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1983. – С. 16-19.

²⁸ Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. – М., 1973. – С. 381-406; Он же. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 19-40; Он же. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. – Новосибирск, 1974; Он же. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода (серия: Археография и источниковедение Сибири). – Новосибирск, 1982. – С. 48–79; Он же. Рассказ о Екатеринбургском соборе 1884 г. // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. – Новосибирск, 1992. – С. 146–159; Он же. Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // Культура славян и Русь. – М., 1998. – С. 518–528; Он же. Соборные уложения часовенных XVIII – XX вв.: система запретов // Источники по русской литературе: Средневековье и Новое время. – Новосибирск, 2000. – С. 123–138; Он же. Путешествие за редкими книгами. – 3-е изд. – Новосибирск, 2005; Мамсик Т.С. Ссылные религиозные протестанты в Сибири в первой четверти XIX в. // Политические ссылки в Сибири (XVIII - начало XX века). – Новосибирск, 1983. – С. 177-197; Она же. Расселение крестьян-раскольников Западной Сибири по материалам официальной статистики первой половины XIX в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск, 1987. – С. 44-56; Она же. Крестьянское движение в Сибири во второй четверти XIX в. – Новосибирск, 1987; Пихоя Р.Г. Общественно-

новосибирского и екатеринбургского центров и характеристикой основных трудов можно ознакомиться во введении к опубликованной в 2002 г. монографии Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой²⁹.

Возросший с 1990-х гг. интерес общества к духовной истории привел к активизации научных исследований по истории «старой веры», что проявилось в издании в Новосибирске, Екатеринбурге и Москве периодических тематических сборников, куда вошли в числе прочих и статьи, посвященные урало-сибирскому старообрядчеству, проведении большого числа научных конференций и появлении целого ряда новых диссертационных работ, в том числе, касающихся сопредельных с Уралом территорий³⁰.

политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII вв.). – Свердловск, 1987; Байдин В.И. Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е гг. XIX в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. – Свердловск, 1979. – С. 90–96; Он же. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старообрядчества конца XVIII – первой половины XIX вв. // Сибирское источниковедение и археография. – Новосибирск, 1980. – С. 93–109; Он же. Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII–XIX вв. // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. – Свердловск, 1988. – С. 4–9; Он же. Историко-культурные традиции населения Зауралья XVII–XIX вв. // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. – Екатеринбург, 1991. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 28–40; Он же. Старообрядчество и книжно-рукописная традиция Зауралья XVII – начала XX вв. // Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. – Екатеринбург, 1993. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 5–49; Он же. О социальной природе волнений старообрядцев на Нижне-Тагильских заводах в 1840 г. // Проблемы истории России. – [Вып. 1]. – Екатеринбург, 1996. – С. 69–76; Он же. Общество старообрядцев Сибирского края в первой половине XIX в. (к вопросу о политической культуре российской провинции) // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского конгресса, г. Тобольск, 25–27 ноября 1997. – Тобольск, 1997. – С. 129–131; Казанцева М.Г., Коняхина Е.В. Музыкальная культура старообрядчества. – Екатеринбург, 1999.

²⁹ Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. – М., 2002. – С. 3–15.

³⁰ Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2001; Суслова Л.Н. Старообрядчество и власть в Тобольской губернии в конце

Из большого числа просмотренных нами диссертаций особо хотелось бы выделить три. Еще в 1983 г. В.И. Байдин подготовил и защитил диссертационное исследование по теме «Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII – середина XIX вв.»³¹. Этот фундаментальный труд, на котором «выросло» уже не одно поколение исследователей староверия, до сих пор не утратил научной ценности, а основные его теоретические построения и выводы мы учитывали при написании своей работы.

В 2003 г. была защищена кандидатская диссертация Ю.В. Боровик. В работе много внимания уделено согласию часовенных. На обширном материале рассмотрены вопросы размещения, численности, социального состава уральского старообрядчества в годы его «золотого века» (1905–1917), а также во времена антирелигиозных гонений (1917–1927). Это исследование развивает и дополняет наблюдения Ю.В. Боровик, высказанные ею ранее в работе, целиком посвященной истории уральских часовенных в конце XIX – начале XX вв.³²

В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию П.И. Мангилев³³. Это исследование мы считаем образцовым и с точки зрения методологических подходов, и с содержательной стороны. Хотя работа посвящена согласию поморцев, в ней содержатся важные материалы и о первых бессвященнословных браках среди беглопоповцев горнозаводского Урала и об оживленной полемике по этому вопросу.

XVIII – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2002; Камзина А.Д. Старообрядчество как объект миссионерской деятельности Русской православной церкви в Оренбургской епархии (1859-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2004; Ягудина О.В. Старообрядчество Уральского и Оренбургского казачьих войск в период с 1851-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2005; Данилко Е.С. Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: дис. ... доктора ист. наук. – М., 2007.

³¹ Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII – середина XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1983.

³² Боровик Ю.В. Старообрядцы – часовенные Урала в конце XIX – начале XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург, 2000; Она же. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905-1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003.

³³ Мангилев П.И. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII – начале XX вв. – Екатеринбург, 2008.

Отдельные аспекты истории старообрядчества Урала второй половины XIX в. затрагивались также в работах пермских и екатеринбургских историков Н.Н. Агафоновой, С.С. Агеева и В.П. Микитюка, Н.С. Корепанова, прот. В. Лавринова, Г.Н. Чагина, А.В. Черных, В.А. Шкерина и уральских краеведов, например, свящ. И. Катаева, В.А. Трусова, Д.Е. Щербины³⁴.

В ряде статей автора данного исследования рассматривались вопросы, связанные со скитским движением, беглыми священниками, деятельностью миссионеров в борьбе со староверием. Отдельные работы

³⁴ Агафонова Н. Н. О распространении старообрядчества в Прикамье / Н.Н. Агафонова // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: мат. междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1999. – С. 114–116; Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. – Екатеринбург, 1998; Корепанов Н.С. Тайная шарташская часовня XVIII в. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. – Екатеринбург, 1998. – С. 278–283; Он же. Шарташ XVIII в. – традиция или новация? // Вестник музея «Невьянская икона». – Вып. III. – Екатеринбург, 2010. – С. 262–290; Чагин Г.Н. Нижнетагильские старообрядцы на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Старообрядчество: история, культура современность. Тезисы III науч.-практ. конф. 15–17 мая 1997 г. – М., 1997. – С. 163–165; Он же. Особо чтимые места старообрядцев Среднего Урала // Старообрядчество: история, культура, современность: Мат-лы Всеросс. научн. конф. – М., 1998. – С.159–160; Он же. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Вып. II. – Екатеринбург, 1998. – С. 258–272; Черных А.В. Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. – Пермь, 2001. – С. 133–158; Шкерин В. А. От тайного общества до Святейшего Синода. Декабрист С.Д. Нечаев. – Екатеринбург, 2005; Он же. Исследователь старообрядчества и сектанства С.Д. Нечаев и его агенты // Уральский исторический вестник. – 2007. – N 17. – С. 22–27; Катаев И., свящ., Рязанова Л.Д., Кузьмин А.А. Свято-Троицкий кафедральный собор. – Екатеринбург, 2004; Трусов В. Взлет семьи Зотовых // Уральский следопыт. – 2005. – N 11; Щербина Д.Е. Православный Верх-Нейвинск. Прошлое и настоящее. – Новоуральск, 2008. – 62 с.; Он же. Храмы Верх-Нейвинска. – [Новоуральск, 2005]. – 30 с.

посвящены истории старообрядческих центров (например, Шарташа, Ревды) или лидерам старообрядческого движения (Л.И. Расторгуеву, Т.В. Филатову).

Подводя общий итог, можно отметить факт существования обширной литературы, посвященной тем или иным страницам истории староверия горнозаводского Урала, отдельным персонажам, событиям, населенным пунктам, некоторым культовым сооружениям. Однако следует учесть, что большинство перечисленных сочинений были созданы еще дореволюционными авторами, значительная часть которых принадлежала к так называемому клерикальному направлению, видевшему в старообрядчестве только негативные стороны. Кроме того, среди них явно преобладают работы не исторического, но полемического, или же описательно-статистического характера.

Современных трудов о согласии часовенных Урала во второй половине XIX в. совсем немного. Более того, до сих пор вообще не существовало обобщающей работы, посвященной уральским старообрядцам – беглопоповцам / часовенным, охватывающей период со второй четверти XIX века до 1905 г. Равно как и не предпринималось попыток соединить в одном исследовании все составляющие части такого сложного историко-социального феномена, как старообрядческое сообщество.

Источниковая база исследования основана на использовании как опубликованных источников, так и находящихся на хранении в различных архивах и библиотеках.

Письменные источники, которые мы используем в диссертации, можно разделить на три основных типа: ***нарративные, нормативно-правовые и делопроизводственные.***

В свою очередь ***нарративные источники*** можно разделить на несколько групп:

Старообрядческие исторические сочинения. Прежде всего, это созданные в конце XIX в. «Родословие часовенных Зауралья», написанное черноризцем Валентином, «Родословие часовенного согласия», автором которого является черноризец Нифонт и близкое к ним по тематике произведение неизвестного автора «О разсмотрении духовнаго чина епархии».

Старообрядческие богослужебные тексты. К этой группе мы относим такие произведения, как «Чин брачного молитвословия» и «Чин причащения», «Последование о причащении св. воды», «Скитское покаяние», старообрядческие синодики.

Старообрядческие полемические сочинения, созданные на Урале во второй половине XIX в., также имеют большое значение для нашего исследования. В них рассматриваются важнейшие для староверов

вопросы, волновавшие их и во время перехода к беспоповской практике, и после: о возможности богослужения простолюдинами, о браке, покаянии, исповеди, погребении, о священстве и т.п.

Чрезвычайно ценными нарративными источниками являются *воспоминания бывших старообрядцев о своей жизни в расколе*. Характеризуя эти документы, следует помнить, что им присуща известная тенденциозность, поскольку писавшие их люди обязаны были подчеркивать негативные стороны старообрядчества. Вместе с тем эти материалы зачастую содержат уникальную информацию, которая нигде больше не фиксировалась.

Отдельную группу источников составляют *описания уральского старообрядчества*, составленные людьми, не принадлежащими к староверию. Из большого числа привлекаемых материалов особо хотелось бы выделить комплекс документов из архива С.Д. Нечаева, опубликованный в 1893 и 1894 гг. в журнале «Братское слово» и дополненный публикацией писем С.Д. Нечаева в 1905 г. в журнале «Старина и новизна».

С октября 1826 по январь 1827 гг. Нечаев, специально командированный для изучения уральского старообрядчества, объехал почти весь горнозаводской Урал и ближнее Зауралье. Он посетил крупнейшие центры староверия, часовни и скиты, познакомился с десятками старообрядцев, собрал ценные сведения. Собственные наблюдения С.Д. Нечаева, дополненные донесениями его тайных агентов и информацией миссионеров, делают эти материалы «лучшим описанием местного старообрядчества того времени»³⁵.

Нормативно-правовые источники.

1. Как отмечают и дореволюционные, и советские исследователи, в первой половине XIX в. в России сложилась система «тайного» законодательства о старообрядчестве, санкционированная царями и не получившая отражения в полном собрании законов Российской империи. Поэтому для воссоздания объективной картины нам пришлось существенно расширить круг опубликованных актовых источников³⁶.

³⁵ Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. – С. 62.

³⁶ Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1858; Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода (1716-1858г.). – Ч.1-2. СПб., 1860; Правительственные распоряжения по делам о раскольниках при Николае и Александре // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В.И. Кельсиевым: в 4 вып. – Лондон, 1861. – Вып. 2.; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел: в 8 кн. – Кн. 8: История распоряжений по

2. Постановления старообрядческих соборов отражают правотворческую практику уральских староверов и дают богатый материал о внутренней жизни согласия. Для беглопоповцев / часовенных постановления их соборов по значимости стояли в одном ряду с решениями, принятыми, например, на Вселенских соборах и, безусловно, были более важными, чем распоряжения центральной и местной администрации.

Делопроизводственная документация.

К этой группе относятся документы центральных и местных государственных учреждений: различных департаментов МВД, Синода, канцелярий пермского губернатора и главного начальника Уральских горных заводов, губернского правления, судов различных инстанций, духовных консисторий, Екатеринбургского секретного совещательного комитета, отчеты православных миссионеров и т.п. Особое внимание уделялось судебно-следственным делам, представляющим собой документальные комплексы сложного состава: материалы допросов, показания свидетелей, описи изъятых вещей, церковной утвари и книг, описание строений.

Чрезвычайно интересным и ценным источником являются прошения старообрядцев властям. В основном, нами использованы документы 1820-х – 1830-х гг., которые не только дают возможность проследить, как староверы пытались противодействовать наступлению властей и достичь приемлемого компромисса, но также позволяют уточнить отдельные детали истории уральского старообрядчества и определить круг наиболее влиятельных лиц в той или иной общине.

К исследованию привлекались данные статистики и материалы учета старообрядцев. Особенности этой группы источников прекрасно охарактеризовал Н. Варадинов, занимавшийся вопросами статистики староверия в начале 1860-х гг.: «...эти цифры имеют относительное достоинство: они показывают местности, которые охватил раскол, густоту раскольнического населения и преобладание той или иной секты в той или другой местности, не представляя верного исчисления им...»³⁷.

расколу. – СПб., 1863; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. / Сост. Таганцев Н.С. – СПб. 1880.; Собрание постановлений по части раскола по Министерству внутренних дел. – СПб., 1875; Сборник законов о расколе. – М., 1881.; Сборник законов о расколе. – СПб., 1890; Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 г. – СПб., 1903.

³⁷ Варадинов Н. История Министерства внутренних дел: в 8 кн. – Кн. 8: История распоряжений по расколу. – С. 375.

Кроме письменных, в работе использовались также **источники устные**. Это материалы опросов старообрядцев и бесед с ними, хранящиеся в архиве ЛАИ УрФУ и личном архиве автора диссертации. Обработка этих источников осуществлялась следующим образом: собранные аудио-материалы были расшифрованы и перенесены на бумажные носители (полевые дневники, имеющие индивидуальные шифры и номера). При этом фиксировались данные о времени и месте записи, биографические сведения об информанте.

Нами были изучены 158 полевых дневников, содержащие информацию, полученную от более тысячи собеседников.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка комплексного изучения социальной организации старообрядцев беглопоповцев / часовенных горнозаводского Урала в переломный для истории согласия период. Широко привлекая уже известные источники и используя большое количество новых данных, детально исследуются основные элементы, образующие структуру старообрядческого общества. Впервые в отечественной историографии приводятся систематизированные сведения о культовых зданиях, беглых священниках, скитах, святых местах. Предпринимается попытка доказать, что важнейшую роль в трансформации беглопоповщины сыграла не только государственная политика, но и внутренние процессы, происходившие в согласии. Анализируются изменения, произошедшие в обрядовой практике старообрядцев, при переходе на позиции беспоповщины. Уточнены даты конкретных событий и биографии целого ряда ключевых фигур в истории уральского староверия.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Вплоть до середины XIX в. на горнозаводском Урале существовало три крупнейших объединения старообрядцев-беглопоповцев: Невьянское, Нижнетагильское и Екатеринбургское;

2. Характерными чертами каждого из этих объединений были четкая религиозно-организационная структура и единство взглядов по ключевым вопросам, волновавшим старообрядцев.

3. Наиболее важными элементами структуры старообрядческих обществ до середины XIX в. являлись: соборы (определявшие стратегию движения), институт старшин (решавший тактические задачи), скитники (духовное лидерство, социальное признание), беглые священники (вопросы, связанные с литургической практикой и духовничеством). В «юрисдикцию» того или иного старообрядческого общества входили «святые места», но общеуральские культы поклонения еще только начинали складываться.

4. Завершение процесса трансформации уральской беглопоповщины в беспоповщину приходится на конец 1830-х – 1840-е гг., однако споры о

необходимости возвращения к беглопоповской традиции продолжались вплоть до рубежа XIX–XX вв.

5. Важнейшую роль в переходе уральских старообрядцев к беспоповской практике сыграла не только негативная государственная политика. Определяющими факторами были внутренние процессы, происходившие в старообрядческих обществах.

6. Во второй половине XIX в. основными структурообразующими элементами старообрядчества стали автономные общины, возглавляемые наставниками и духовными отцами. Деятельность старшин теперь ограничивалась общинными рамками. Существенно понизилось значение скитничества, полностью утратившего функции социального призрения и духовного лидерства. Стремясь поддержать свой авторитет, скитские старцы активно участвовали в организации и проведении паломничеств к святым местам, часть которых приобрела общеуральское значение.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что содержащиеся в ней материалы и выводы могут быть использованы для написания как обобщающих работ по истории уральского староверия, так и старообрядческого движения в масштабах всей России, а также в преподавании общих и специальных курсов по отечественной истории, истории Урала и уральскому старообрядчеству в высших и средних учебных заведениях. Подготовлены оригинальные электронные карты для историко-культурного атласа «Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX – XX вв.».

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре археологии и этнологии Исторического факультета Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. Основные положения работы отражены в публикациях автора и изложены в докладах и сообщениях на различных конференциях в 1989 – 2011 гг.

Разработка отдельных проблем диссертационного исследования осуществлялась при поддержке грантов: ФПЦ «Интеграция», К1034, «Создание электронной базы данных рукописных и старопечатных книг Уральского региона» (2000–2002 гг.); РГНФ – 04–01–83106 а/У «Исследование кириллической книжно-рукописной традиции и среды ее бытования в XVII–XXI вв.» (2004–2006 гг.); РГНФ – 06–01–83101 а/У «Личность в контексте эпохи. Исторические портреты старообрядцев Уральского региона» (2006–2007 гг.); РГНФ – 11-01-00-317 а «Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX – XX вв.: историко-культурный атлас» (2011–2013 гг.). По теме диссертации опубликовано свыше 30 научных работ общим объемом более 20 п.л., в том числе – 3 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, 7 приложений и списка сокращений.

Основное содержание работы

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, цели и задачи работы, хронологические и территориальные рамки, раскрыты методологические основы диссертации, показана степень изученности темы, охарактеризована источниковая база, отмечены научная новизна и практическая значимость исследования.

В **первой главе «Старообрядческие общества и общины Среднего Урала во второй четверти XIX – начале XX в.»** определены основные центры размещения беглопоповцев / часовенных на Урале во второй четверти XIX – начале XX вв., проанализированы данные статистического учета. Особое внимание уделено реконструкции истории старообрядческих культовых зданий и судьбам руководителей согласия. Приводится хронология важнейших старообрядческих соборов, и анализируются решения, принятые ими.

В **первом параграфе «Старообрядческая община и общество»** рассматриваются такие понятия, как *община* (организация старообрядцев одного согласия, проживавших в одной местности, имевших в своем распоряжении культовое здание. До конца 1830-х гг. члены общин признавали в качестве духовного лидера старообрядческого священника. В более позднее время значительную часть функций иерея выполняли миряне – выборные наставники и духовные отцы, которым помогали уставщики и головщики) и *общество* (крупное объединение общин нескольких населенных пунктов, чаще всего близких территориально, члены которых в большинстве своем придерживались единого мнения по основным обрядовым, правовым, финансовым и т.п. вопросам).

Руководителями обществ были старшины, которые либо занимали административные должности, либо принадлежали к торгово-промышленной элите. Рассматриваются многообразные функции старообрядческих старшин – фактических руководителей старообрядчества региона.

Самые важные для уральских старообрядцев вопросы решались соборами. Их статус был различным: от «советов освященных», имеющих общеуральское значение, до собраний представителей одного общества или даже одной общины. Приводятся сведения о двух десятках соборов, с обозначением важнейших решаемых на них вопросов. Устанавливается, что до конца 1880-х гг. основными темами «освященных советов» была проблема поиска священства при возможности следования беспоповской традиции.

Анализируются данные о том, какие «резкие отличия» по мнению современников существовали между старо- и новообрядцами. Делается вывод, что главное отличие староверов от сторонников официального православия заключалось не в бытовых особенностях и даже не в обрядовых тонкостях и нюансах при проведении того или иного богослужения, а в том, что староверы и в XIX и в начале XX в. осознавали себя членами старообрядческого общества – особого мира, со своей иерархией, законами и этическими нормами.

Во **втором параграфе «Старообрядческие общества горнозаводского Урала во второй четверти – середине XIX в.» (пункт 1)** говорится об общинах, входивших в состав Невьянского старообрядческого общества (Невьянский, Быньговский, Верхнетагильский, Шуралинский, Нейво-Рудянский, Петрокаменский заводы и «прилежащие к ним селения»). Одной из особенностей, характеризующей это объединение, была его «компактность» – самые отдаленные поселения располагались не более чем в 45 верстах от Невьянска. Но если говорить о влиянии невянцев, то следует отметить, что оно распространялось от Кунгурского и Красноуфимского уездов на западных склонах Урала до Камышловского на востоке.

В подробностях восстанавливается история важнейших культовых сооружений с момента постройки до 1840-х гг., когда подавляющее большинство часовен были запечатаны или же переданы единоверцам. Реконструируются биографии старшин Невьянского общества И.И. Голицына, И.В. Богатырева и его сыновей – Михаила и Афанасия.

В **пункте 2** рассматриваются общины старообрядцев, считавших своим духовным центром Нижний Тагил: Нижнетагильский, Выйский, Черноисточинский, Рождественский, Висимо-Уткинский, Висимо-Шайтанский, Нижнелайский, Верхне- и Нижнесалдинский заводы с окрестными населенными пунктами, а также несколько небольших общин Гороблагодатского горного округа (Верхняя Тура, Кушва, Баранча). В начале 1830-х гг. это общество почти вдвое превосходило по численности Невьянское и насчитывало 15,5 тысяч человек. Отмечается, что история старообрядческих часовен Нижнетагильского общества имеют много общего с процессами, происходившими в Невьянке: к началу 1840-х гг. почти все они также были отняты у староверов.

В середине 1840-х гг. началось крупнейшее наступление государства на администраторов-старообрядцев. В октябре 1847 г. последовало повеление императора «О воспрещении по частным горным заводам определять раскольников в должности, с правом начальства или власти соединенные...». В результате значительное число приказчиков-староверов объявили о переходе в единоверие. Старообрядческому лобби

на горнозаводском Урале был нанесен, пожалуй, один из самых серьезных ударов.

В **третьем пункте** отмечены особенности, характеризующее Екатеринбургское старообрядческое объединение во второй четверти – середине XIX в.: 1. крупнейшее по территории и численности (не менее 80 тыс. беглопоповцев); 2. располагавшее самыми значительными экономическими и административными ресурсами; 3. включавшее в себя отдельные крупные общества, имевшие существенную автономию (например, Ревдинское или Каслинско-Кыштымское); 4. располагавшее возможностями содержать наибольшее количество беглых священников; 5. как оказалось, – самое уязвимое от правительственной политики.

Здесь же характеризуются основные общины, входившие в Екатеринбургское общество (Екатеринбурга, Шарташского селения, Верх-Исетского, Верх-Нейвинского, Режевского, Васильево-Шайтанского, Ревдинского, Каслинского, Кыштымского, Нязепетровского, Верхне- и Нижнеуфалейских заводов и окружающих их поселков, а также Камышловского и Шадринского уездов) и культовые сооружения, которыми они располагали. Особое внимание уделено лидерам этого общества, поскольку их деятельность была во многом определяющим для всей беглопоповщины горнозаводского Урала (Л.И. Расторгуев, Я.М. Рязанов, Ф.Ф. Казанцев, Г.Ф. Зотов, Е.А. Китаев, А.Т. Рязанов и др.).

Третий параграф «Основные центры старообрядчества горнозаводского Урала во второй половине XIX – начале XX вв.» посвящен рассмотрению развития уральской беглопоповщины в крупнейших уральских центрах, после того, как староверы в 1840-е гг. лишились главных культовых зданий и института беглого священства. Репрессивная политика государства и официальной церкви лишь незначительно повлияла на численность старообрядцев, но позволила ослабить отдельные общества, поколебать существовавшее в старообрядческой среде единство. Отмечено, что вынужденные приспособляться к новым условиям, староверы во второй половине XIX в. обзавелись большим количеством помещений для моления, которые устраивались в частных домах, что объективно способствовало разделению крупных старообрядческих общин. Появление значительного числа «независимых» наставников нередко приводило к конфликтным ситуациям между ними и, в конечном счете, отражалось на взаимоотношениях рядовых членов разных общин.

Во второй главе **«Руководство религиозной жизнью уральских старообрядцев во второй четверти XIX в. – начале XX вв.»** основное внимание сосредоточено на трех темах: 1. институте беглого священства; 2. попытках уральских староверов сохранить его; 3. институте наставничества и духовничества.

В параграфе 1 (пункты 1-4) рассматривается важнейший для староверов вопрос о том, каким, по их мнению, должен быть истинный священник. Реконструируются биографии иереев, духовно окормлявших старообрядцев всех крупнейших обществ горнозаводского Урала. В том случае, если позволяют источники, предпринимаются попытки создания психологических портретов этих людей.

Пункт 1.5 посвящен борьбе старообрядцев за сохранение института беглых священников в 1825–1838 гг. Особо отмечается, что негативная государственная политика по отношению к беглым иереям сыграла определенную роль в превращении уральской беглопоповщины в беспоповщину, но главными факторами, по нашему мнению, были внутренние процессы, происходившие в старообрядческих обществах Урала: 1. для невянских и нижнетагильских староверов чрезвычайно осложнился поиск священников «рязанского» и «грузинского» поставления; 2. обращение «столпов» старой веры в единоверие в 1838 – 1841 гг., и как следствие, отсутствие у них мотивации искать новых беглых попов; 3. все сильнее проявлялась сформировавшаяся за несколько предшествующих десятилетий «привычка» обходиться без старообрядческого иерея (как правило, проживавшего в крупном населенном пункте).

Во втором параграфе **«Институты наставников и духовных отцов уральских старообрядцев в середине XIX – начале XX вв.»** основное внимание уделено той религиозно-социальной структуре, которая пришла на смену институту беглых попов.

Показано, что наставники – духовные руководители общин появились на Урале задолго до того, как местные староверы лишились своих священников. После перехода к беспоповской практике «легитимизация» института наставничества стала лишь вопросом времени. Для этого старообрядческие богословы в 1830-е – 1880-е гг. создали несколько сочинений, которые проанализированы в работе (пункт 2.1).

Основной проблемой, которую решали «начетные» старообрядцы с 1840-х гг. стал вопрос о возможности заключения бессвященнословных браков. В диссертации подробно рассматривается история возникновения в 1838 г. традиции сводных браков у бывших беглопоповцев Урала и появления нескольких «чинов», посвященных этому. Обосновывается заключение, что именно «Узаконение о браках» 1841 г. стало одним из ключевых моментов при переходе к беспоповской практике нижнетагильских староверов. Указывается, что представители других обществ пришли к этому несколько позже. Здесь же говорится и о различиях в требоисправлениях, характерных для разных общин: например, в крестильной или похоронной обрядности. Отмечается, что в

самое короткое время определяющей линией в проведении того или иного обряда стала традиция, а не требования уставов.

Рассматриваются материалы, посвященные институту духовничества. Приводятся варианты старообрядческой обрядовой практики для таинств покаяния и причащения. Констатируется повышение роли женщин во внутренних делах общин (**пункт 2.3**).

В **третьем параграфе «Поиски священства уральскими часовенными в последней четверти XIX в.»** показано, что несмотря на, казалось бы, полный и безоговорочный переход с середины XIX в. уральских старообрядцев к беспоповской практике, споры о священстве между наиболее грамотными староверами не утихали и во второй половине XIX и в начале XX в. Причем велись они с переменными успехами то сторонников, то противников присякания священства.

В **третьей главе «Старообрядческие скиты на горнозаводском Урале во второй четверти XIX – начале XX вв.»** говорится о значимости старообрядческого скитничества на Урале и его специфике, приводится типология скитских поселений, выявляются важнейшие скитские центры и святые места.

В **первом параграфе «Уральское скитничество до середины XIX в.»** отмечается, что взаимоотношения между скитниками и старообрядцами, живущими «в миру» традиционно строились по следующей схеме: скитники удовлетворяли духовные запросы простых староверов (из-за особого статуса иноческое богомоление почиталось выше, чем у простеца); в свою очередь, старообрядцы поддерживали скиты материально. С XVIII в. в структуру каждого старообрядческого общества Урала входили и крупные скиты. Несмотря на предпринятые властями в 1830-е – 1840-е гг. усилия по уничтожению скитов и очевидные успехи на этом поприще, скитская жизнь продолжалась на протяжении всего рассматриваемого периода.

Во **втором параграфе «Уральское скитничество во второй половине XIX – начале XX вв.»** показано, что хотя с середины XIX в. крупных скитских центров, подобных шарташскому или красноярскому, не возникало, но общее количество небольших старо-обрядческих пустыней даже увеличилось. Наибольшим авторитетом пользовались скиты в Урминских пределах. Именно здесь «скитскую школу» прошли многие старцы и старицы, возродившие некоторые традиции пустынножительства на Урале в последней четверти XIX в.

Процессы, происходившие в старообрядческой среде, объективно привели к тому, что авторитет скитских старцев понизился с «регионального» уровня до «районного». Даже те скитники, которые были известны на всем Урале, на соборах, имевших общеуральское значение, выступали «на вторых ролях»;

В третьем параграфе «Святые места» отмечается, что посещение таких мест не являлось для уральских старообрядцев обязательным элементом общинного уклада, но, несомненно, было важным для их самосознания. Объектами для поклонения староверов на горнозаводском Урале стали либо некоторые крупные скиты, либо захоронения (чаще всего – скитских старцев и стариц).

С середины XIX в. количество святых мест, почитаемых уральскими старообрядцами, значительно возрастает (из более чем 40 чтимых захоронений, о которых говорится в работе, 2/3 появляются именно в это время). Однако почти все эти места имеют локальное значение. Мы напрямую связываем это с процессом разделения и обособления обществ и стремлением каждой общины иметь «свое» святое место.

Для рядовых членов старообрядческих общин посещение святых мест было одним из знаковых моментов жизни: многотысячные крестные ходы, совместные моления и трапезы, наконец, просто общение – все это способствовало укреплению конфессионального самосознания, обостряло ощущение организационного единства общества, являясь, таким образом, важным элементом старообрядческого движения второй половины XIX – начала XX вв., поддерживавшим его структуру.

В **заключении** обобщаются выводы проделанной работы, полностью подтверждающие положения, вынесенные на защиту, приводятся графические схемы религиозно-организационного устройства старообрядческих обществ в начале рассматриваемого периода и в его конце.

В **приложениях** публикуются таблицы, с обозначением важнейших центров уральской беглопоповщины и районов скитского движения, статистические материалы учета старообрядцев, конфискационные описи, и сочинения, созданные уральскими староверами.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

1.1. Статьи в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Белобородов С.А. Уральские противораскольнические миссионеры – бывшие старообрядцы [Текст] / С.А. Белобородов // Уральский исторический вестник. – N 17. – 2007. – С. 28-39. – 1 п.л.

2. Белобородов С.А. “Поле битвы духовной” – Китай (Из истории полемики между старообрядцами и новообрядцами в 1930-е гг.) [Текст] / С.А. Белобородов // Уральский исторический вестник. – N 2 (23). – 2009. – С. 152-156. – 0,5 п.л.

3. Головнёв А.В., Белобородов С.А., Перевалова Е.В. ЭтноЭкспедиция Урал–2011 [Текст] / А.В. Головнёв, С.А. Белобородов, Е.В. Перевалова // Уральский исторический вестник. – N 4 (33). – 2011. – 131-135. – 0,5 п.л.

1.2. Главы в монографических изданиях:

4. Белобородов С.А., Гончаров Ю.А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII – начале XX вв. [Текст] / С.А. Белобородов, Ю.А. Гончаров // Сибирская икона. – Омск, 1999. – С. 207-212. – 0,5 п.л.

5. Белобородов С.А. “Австрийцы” на Урале и в Западной Сибири (из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриницкого согласия) [Текст] / С.А. Белобородов // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург, 2000. – С. 136-172. – 2,5 п.л.

6. Белобородов С.А. Старообрядческая рукописная книга // История и культура старообрядчества. URL: <http://virlib.eunnet.net/oldbelief/main/ch2/index.htm> – 2 п.л.

7. 7. Белобородов С.А. “Медь Богу служит...”. Очерк истории русского культового медного литья [Текст] / С.А. Белобородов // Русское медное литье. Избранные памятники в собраниях Урала. – Екатеринбург, 2008. – С. 7-26. – 1,5 п.л.

8. “Кто, яко Бог?” (К истории почитания архангела Михаила на Урале и в Западной Сибири) [Текст] / С.А. Белобородов // Архангел Михаил. Альбом-каталог. – Екатеринбург, 2009. – С. 149-165. – 1 п.л.

9. Белобородов С.А. Очерк по истории уральского иконописания [Текст] / С.А. Белобородов // «Писан бысть сей святыи образ в Невьянском заводе». Альбом-каталог частной коллекции В.В. Маслакова. – Т. 1. – Екатеринбург, 2011. – С. 10-84. – 2 п.л.

1.3. Публикации в других изданиях:

10. Белобородов С.А., Мангилева А.В., Казанцева М.Г. Антология ошибок (Рецензия на коллективную монографию “История Курганской области”) [Текст] / С.А. Белобородов, А.В. Мангилева, М.Г. Казанцева // Уральский сборник. – Вып. 3. – Екатеринбург, 1999. – С. 33-51. – 1 п.л.

11. Белобородов С.А. Епископ двух конфессий (материалы для биографии Стефана (Расторгуева) [Текст] / С.А. Белобородов // Четвертые Татищевские чтения. Тез. докл. и сообщ. – Екатеринбург, 2002. – С. 91-94. – 0,25 п.л.

12. Белобородов С.А. Славяно-Беловодская иерархия. Материалы к истории затянувшейся мистификации [Текст] / С.А. Белобородов // Сибирь на перекрестье мировых религий: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М.И. Рижского. Новосибирск, 29-30 окт. 2001 г. – Новосибирск, 2002. – С. 124-126. – 0,25 п.л.

13. Белобородов С.А. Поморцы и старопоморцы Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX – начале XX вв. [Текст] / С.А. Белобородов // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Вып. V. – Екатеринбург, 2003. – С. 246-260. – 0,5 п.л.

14. Белобородов С.А. Старообрядческие скиты в “урминских пределах” [Текст] / С.А. Белобородов // Проблемы истории России. – Вып. 6. – Екатеринбург, 2005. – С. 284-294. – 0,5 п.л.

15. Белобородов С.А. Шарташ – старообрядческий рай (из истории “шарташской веры” на Урале в XVIII – первой половине XIX вв.) [Текст] / С.А. Белобородов // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XV - XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 343-352. – 0,5 п.л.

16. Белобородов С.А. Старообрядческие скиты в Ревдинской волости Екатеринбургского уезда [Текст] / С.А. Белобородов // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Вып. VI. – Екатеринбург, 2005. С. 28-40. – 0,5 п.л.

17. Белобородов С.А. “Найди ящерицу живую желтую и положи ее в ртуть...” (Сборники рецептов для художественных работ из собрания Лаборатории археографических исследований УрГУ) [Текст] / С.А. Белобородов // Вестник музея “Невьянская икона”. – Вып. 2. – Екатеринбург, 2006. – С. 57-77. – 0,75 п.л.

18. Белобородов С.А. Последние священники уральских беглопоповцев (1820-е – 1830-е гг.) [Текст] / С.А. Белобородов // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 604 – 611. – 0,5 п.л.

19. Белобородов С.А. Старообрядческие священники Нижнего Тагила в конце XVIII – первой трети XIX вв. [Текст] / С.А. Белобородов // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Вып. VII. – Ч 1. – Екатеринбург, 2009. – С.167-178. – 0,5 п.л.

20. Белобородов С.А. Гуслицкие старообрядцы – уральские иконописцы [Текст] / С.А. Белобородов // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. 18-20 апреля 2010 г. – Екатеринбург, 2010. – С. 180-184. – 0,25 п.л.